

УДК 821.161.1

Н. П. Жилина

**ЭВОЛЮЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
АНДРЕЯ БОЛКОНСКОГО В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО
«ВОЙНА И МИР»**

36

Исследуется иерархия системы ценностей одного из центральных действующих лиц романа, являющегося в немалой степени «проекцией личности» самого писателя. Выявленные в процессе анализа оппозиции, возникающие в сознании героя (война – мир, ложь – правда, земля – небо, величие – ничтожество, слава – тщеславие), позволяют показать, как изменяется его картина мира, эволюционируя на пути к обретению полноты гармонического единства.

This article examines the value system hierarchy of one of the novel's central characters, who is often considered a 'projection' of the author's personality. Oppositions emerging in the character's mind (war/peace, lie/truth, earth/sky, greatness/worthlessness, glory/vanity), which are identified in the course of analysis, make it possible to track changes in the character's worldview and its evolution along his way to harmony.

Ключевые слова: Лев Толстой, война и мир, Андрей Болконский, система ценностей.

Key words: Leo Tolstoy, war and peace, Andrei Bolkonsky, system of values.

Тема истинных и ложных ценностей, заявленная уже в ранних произведениях Льва Толстого, в его великом романе воплощается как ключевая проблема, рассмотренная на социальном, психологическом и философском уровнях. Своеобразным испытанием — не только в физическом или душевном плане, но и, что гораздо более важно, мировоззренческой позиции, морально-нравственных принципов для каждого из основных персонажей книги становится война. В полной мере это относится к князю Андрею Болконскому, принадлежащему к тому разряду любимых толстовских героев, которые постоянно пребывают в мучительном поиске смысла жизни и являются в немалой степени «проекцией личности» самого писателя [2, с. 300], что подтверждается и повествовательно выраженной близостью этих персонажей к автору. Знакомство с Болконским происходит уже в самом начале событий: представленный читателю как «муж маленькой княгини» [4, т. 4, с. 22], всего лишь один из гостей в салоне Анны Павловны Шерер, он в дальнейшем фокусирует на себе авторское внимание, заметно выделяясь в

этой светской гостиной из общего круга. Усталость и скука, гримаса досады, не исчезающие с его лица во все время пребывания в салоне, его привычка оглядывать все общество «шурясь» выражают его отношения ко всему окружающему. В разговоре с Пьером князь Андрей сам дает объяснение этому состоянию: «Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество — вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти», — говорит он [4, т. 4, с. 42]. Женившийся всего полгода назад, он очень тяготеет своим семейным положением, а общее недовольство жизнью, ее пустотой и бесполезностью связывает с женитьбой, сравнивая себя со «скованным колодником» [4, т. 4, с. 42]. Не только его новая семья с молодой женой княгиней Лизой, но и жизнь в родовом гнезде, где он родился и вырос, не обладает в этот период высоким ценностным содержанием, несмотря на его огромную любовь к отцу и сестре.

Дом и семья, для любого человека являющиеся важнейшими элементами аксиологической картины мира, имеют в сознании Болконского очень низкий статус, воспринимаясь как преграда к достижению истинной цели и смысла жизни. Его идеал — общественное служение (недостижимость которого в обыденном существовании для него очевидна) — полное воплощение может найти только на войне, поэтому мирная жизнь с ее обычными человеческими радостями и заботами отвергается им как недостойная настоящего, а значит, великого, исключительного человека. Будучи свидетельством оправданности земного существования человека, понятия *слава* и *величие*, ассоциирующиеся с *войной*, занимают в его системе ценностей самое важное, первостепенное место и противопоставлены обыденной повседневности, лишенной самопожертвования и высокой героики.

Мотивы славы и величия, восходящие к Античности, впервые возникают в романе в связи с яркой и многозначной художественной деталью: войдя в кабинет Болконского, Пьер «взял первую попавшуюся с полки книгу (это были Записки Цезаря)» [4, т. 4, с. 36]. Такая приверженность античным идеалам была очень характерна для молодого дворянина начала века, психологию которого исторически точно и правдиво рисует Толстой: как отмечает Ю.М. Лотман, «участие в войнах, определившее биографии целого поколения молодых людей Европы... существенным образом влияло на тип личности» [3, с. 192]. Трагедия, «разыгравшаяся на полях Европы, активно формировала психологию людей начала XIX века, в частности, приучала их смотреть на себя как на действующих лиц истории, "укрупняла" их в собственных глазах, приучала к сознанию собственного величия» [3, с. 186]. Таким образом, в сознании князя Андрея в этот период *война* и *мир* образуют четкую оппозицию: *война* — пространство высокого деяния, героизма, подвига, *величия*, *славы*; *мир* — пространство пошлости, пустоты, скуки, *ничтожных* людей, *тщеславия*. Можно сказать, что пространство *войны* и пространство *мира* в восприятии князя Андрея противопоставлены как высокое — низкому, героическое — пошлому, исключительное — обыденному, то есть *война* в его представлении маркируется *истинностью*, а *мир* — *ложностью*. Пространство *войны*, в свою очередь, имеет в его соз-

нании *высокий* и *низкий* уровни. Отдельный, частный человек с его житейскими интересами и заботами осознается им как ничтожно малая величина в сравнении с проблемами национального и общемирового масштаба. Величие, по его мнению, может быть достигнуто только там, где вершатся судьбы народов и государств. Так дополнительно к основной, главной, возникают оппозиции частного характера: 1) *величие* исключительного человека — *ничтожность* обыкновенных людей; 2) *слава* — *тщеславие*. Обе они напрямую связаны с фигурой Наполеона, величие которого в сознании князя Андрея еще более оттеняется пошлостью и ничтожностью людей заурядных, что находит свое подтверждение в словах Наполеона, цитируемых Болконским: «Я показал им путь славы: они не хотели; я открыл им мои передние: они бросились толпой...» [4, т. 4, с. 28]. В иерархии ценностей князя Андрея в этот период *слава* как свидетельство *величия* человека и оправданности его земного существования занимает главное место и противопоставляется *тщеславию* как свойству самых обычных людей с их мелкими и *ничтожными* житейскими интересами. Таким образом, *слава* и *величие*, воспринимающиеся Болконским как понятия высокие, противопоставляются *тщеславию* и *ничтожеству*, образуя с ними коррелятивные пары.

Попав на войну, он, по словам автора, «много изменился»: «В выражении его лица, в движениях, в походке почти не было заметно прежнего притворства, усталости и лени; он имел вид человека, не имеющего времени думать о впечатлении, какое он производит на других, и занятого делом приятным и интересным. Лицо его выражало больше довольства собой и окружающими; улыбка и взгляд его были веселее и привлекательнее» [4, т. 4, с. 168—169]. Однако мысль о своей исключительности не оставляет Болконского и заметно влияет на его отношения с окружающими, во многом формируя их. В читательском сознании представление о человеческой неординарности Андрея объективируется разными способами: в повествование вводится цитата из письма Кутузова к старому князю с высокой оценкой качеств его сына; автор несколько раз сравнивает его с другими штабными офицерами, ничтожность и мелкость которых оттеняют глубину натуры и душевную высоту князя. При этом мечты о подвиге и жажда славы, постоянно занимающие его мысли и воображение, настойчиво включаются в его описание: «Князь Андрей был один из тех редких офицеров в штабе, который полагал свой главный интерес в общем ходе военного дела. Увидав Мака и услышав подробности его гибели, он понял, что половина кампании проиграна, понял всю трудность положения русских войск и живо вообразил себе то, что ожидает армию, и *ту роль*, которую он должен будет играть в ней (здесь и далее везде курсив наш. — Н. Ж.). <...> Но он боялся гения Бонапарта, который мог оказаться сильнее всей храбрости русских войск, и вместе с тем не мог допустить позора для своего героя» [4, т. 4, с. 171]. Отправленный курьером с донесением к австрийскому двору, Болконский получает известие о том, что армия Кутузова отрезана. «Известие это было горестно и вместе с тем приятно князю Андрею. Как только он узнал, что русская армия находится в та-

ком безнадежном положении, ему пришло в голову, что *ему-то* именно предназначено вывести русскую армию из этого положения, что вот он, тот Тулон, который выведет его из рядов неизвестных офицеров и открывает ему первый *путь к славе!* Слушая Билибина, он соображал уже, как, приехав к армии, он на военном совете подаст мнение, которое одно *спасет армию*, и как ему одному будет поручено выполнение этого плана» [4, т. 4, с. 219–220]. Болконский участвует в дальнейшем разговоре, «живо воображая серые шинели, раны, пороховой дым, звуки пальбы и *славу*, которая ожидает его» [4, т. 4, с. 221]. На вопрос отвечающего его Билибина «Зачем вы поедете?» он не отвечает, но думает: «Еду для того, чтобы *спасти* армию» [4, т. 4, с. 222].

В высоком состоянии предвкушения подвига, отыскивая штаб главнокомандующего, Болконский попадает в ряды беспорядочно отступающей армии и становится невольным свидетелем неприятной сцены. Офицер, заведовавший обозом, не желая пропустить вперед одну странную повозку, нечто среднее «между телегой, кабриолетом и коляской» [4, т. 4, с. 224], ругался и бил плетью кучера, причем удары попадали и на сидящую внутри женщину. Увидав князя Андрея, женщина высунулась и закричала: «Адъютант! Господин адъютант!.. Ради бога... защитите... Что ж это будет?.. Я лекарская жена седьмого егерского... не пускают; мы отстали, своих потеряли...» [4, т. 4, с. 224]. Вынужденный вмешаться, Болконский попадает в сложную и унижительную для себя ситуацию, поскольку реакция офицера на его распоряжение пропустить женщину оказывается неожиданной: «А ты кто такой? — вдруг с пьяным бешенством обратился к нему офицер. — Ты кто такой? Ты (он особенно упирал на *ты*) начальник, что ль? Здесь я начальник, а не ты» [4, т. 4, с. 225]. Для Болконского, с его отношением к обычному человеку как к ничтожно малой величине, не заслуживающей права на внимание во время великих событий, эта ситуация становится своеобразным испытанием; и читатель, перед которым открывается внутренний мир героя, оказывается свидетелем его душевной борьбы: «Он видел, что его заступничество за лекарскую жену в кибиточке исполнено того, чего он боялся больше всего в мире, того, что называется *ridicule*¹, но инстинкт его говорил другое» [4, т. 4, с. 225]. «С изуродованным от бешенства лицом», угрожая офицеру нагайкой, князь Андрей добился исполнения своего распоряжения, но затем «торопливо, не поднимая глаз, отъехал от лекарской жены, называвшей его *спасителем*», и поскакал дальше, «с отвращением вспоминая мельчайшие подробности этой унижительной сцены» [4, т. 4, с. 225]. Так мечта Болконского о подвиге, его страстное желание стать *спасителем* неожиданно воплощается в сниженном и даже как бы «перевернутом» виде: он едет, намереваясь спасти армию, а становится «спасителем» несчастной и жалкой лекарской жены. Объективная реальность, воспринимаемая им как низкая, неожиданно вторгается в воображаемый — высокий, романтизированный — мир его мечты, заставляя его испытать самые разнородные

¹ Смешным — фр.

чувства, от сочувствия до унижения, и действовать вразрез со своими привычными установками. Это пересечение и столкновение на событийном уровне «высокой» и «низкой» сфер, организованное приемом композиционной стыковки, придает тонкую ироническую окраску всему изображаемому, свидетельствуя о сложности и неоднозначности авторской оценки описываемых событий.

Пространство войны предстает перед Болконским в различных проявлениях, не изменяя его отношения к самому этому понятию как героическому и возвышенному. Но перед ним открываются разные сферы: «высокая» — австрийский двор и дипломатическая служба, где вершатся судьбы стран и народов и преобладает отношение к войне как к игре, и «низкая» — с рядовыми участниками сражений, младшими офицерами и простыми солдатами. Близкое общение с Кутузовым, впечатление от Багратиона во время Шенграбенского сражения и, главное, знакомство с капитаном Тушиным — все это помогает князю Андрею понять нечто важное, что ускользало от него прежде. Пребывание Болконского на батарее Тушина во время Шенграбенского боя заставляет его изменить свое представление об обычном, ничем не примечательном и не выдающемся человеке, который прежде казался ему ничтожным и не заслуживающим внимания. Штабс-капитан Тушин, маленький, грязный, худой и робкий с начальством, удивительно непохожий на военного человека и даже честь отдающий таким движением руки, как благословляют священники, в фигурке которого было что-то особенное, совершенно не военное, несколько комическое, во время боя покрикивая «своим слабым, тоненьким, нерешительным голоском» [4, т. 4, с. 259], на глазах Болконского спокойно и бесстрашно совершает свое дело, не помышляя ни о героизме, ни о величии, ни о славе. Участие в Шенграбенском сражении вплотную подводит князя Андрея к проблеме настоящего подвига, *истинного и ложного величия*.

Античный идеал, закрепленный в фигуре Наполеона и связанный с идеей достижения *земного* величия, с развитием повествования несколько раз проходит серьезное испытание и проверку обстоятельствами, но не отвергается Болконским, для которого мечта о славе по-прежнему остается главной и любимой. В ночь перед Аустерлицким боем в его воображении рисуется предстоящее событие: «И ему представилось сражение, потеря его, сосредоточение боя на одном пункте и замешательство всех начальствующих лиц. И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он, наконец представляется ему. Он твердо и ясно говорит свое мнение и Кутузову, и Вейротеру, и императорам. Все поражены верностью его соображения, но никто не берет на себя исполнить его, и вот он берет полк, дивизию, выговаривает условие, чтобы уже никто не вмешивался в его распоряжения, и ведет свою дивизию к решительному пункту и один одерживает победу. <...> Диспозиция следующего сражения делается *им одним*. Он носит звание дежурного по армии при Кутузове, но делает все *он один*. Следующее сражение выиграно *им одним*. Кутузов сменяется, назначается *он...*» [4, т. 4, с. 357–358]. Если в сцене спасения лекарши ироническая окраска изо-

бражения была предельно тонкой и почти неуловимой, то в этом эпизоде авторская усмешка, проявляясь на повествовательном уровне, звучит открыто и в полную силу. Такой сдвиг в плоскость иронии становится знаком увеличения дистанции между автором и героем, показателем нетождественности их мировоззренческих позиций, тем самым внося коррективы и в представления читателя: идеалы, казавшиеся Болконскому незыблемыми, сами основы его мировосприятия подвергаются серьезному испытанию, провоцируя сомнения в читательском сознании.

Болея душой и за дело, и за честь России (служба царю и отечеству для него не пустые слова), князь Андрей одновременно жаждет *своей славы, своего величия*. Мечтая совершить подвиг ради других, ради общего дела, он движим в первую очередь *честолюбивыми* стремлениями, а в основе его самопожертвования, как это ни парадоксально, лежит *самолюбивая, тщеславная* и, в конечном итоге, *эгоистическая* цель. Перед Аустерлицем, предчувствуя, что следующий день станет решающим в его жизни, он отчетливо осознает: «Ничего не люблю, как только *славу, любовь* людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди — отец, сестра, жена, — самые дорогие мне люди, — но, как ни страшно и ни неестественно это кажется, я всех их отдам сейчас за минуту *славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей*, которых я не знаю и не буду знать» [4, т. 4, с. 358]. Так наполеоновское начало, настойчиво проявляющее себя в мечтах Андрея («Мой Тулон!»), получает свое законченное воплощение. Цена *славы* в его сознании может быть предельно высокой, определяясь жизнью, но ценность ее все-таки оказывается неизмеримо выше, поскольку предоставляет редкую возможность *торжества над людьми, превосходства* над ними. В стремлении же снискать *любвю* людей, хотя бы и путем самопожертвования, проявляется подсознательное, часто скрытое от самого человека, но характерное для любого и каждого в силу поврежденности человеческой природы, желание обладать чужими душами, иметь над ними неограниченную *власть*. Болконскому неизвестно, что *такая любовь*, выражающаяся в формах обожания и поклонения, в христианском сознании означает *кумиротворение* и невероятно далека от настоящей, подлинной.

Мечты князя Андрея сбываются в реальности, он совершает настоящий подвиг: спасая положение и увлекая за собой вперед беспорядочно отступавших солдат, он падает, тяжело раненный, со знаменем в руках, на глазах у своего героя и слышит от него заслуженную похвалу — но теперь это уже нимало не трогает его. На границе между жизнью и смертью Болконскому открывается новое знание, новое понимание человеческого бытия: «Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих» [4, т. 4, с. 396]. Сознание ничтожности величия, суетности жизни и, тем более, ничтожества смерти может быть обретено лишь человеком, которому в полной мере

открылась великая истина *бессмертия души* — именно это и произошло с князем Андреем. На Аустерлицком поле ему открываются иное пространство: Небо — пространство Бога и иное измерение: Вечность — атрибут Бога. В этом пространстве и в этом измерении предельно ясно обнаруживаются ложная природа и ложная суть его прежних ценностей. Если прежде величие исключительного человека и героического деяния в сознании Болконского было противопоставлено ничтожности обыкновенных людей и обычной жизни, то открывшееся ему величие высокого вечного Неба со всей очевидностью обнажает ничтожество исключительного человека, разрушив одновременно и прежнее представление о том, что *смысл жизни* заключается в достижении *славы* и *земного величия*.

По справедливому замечанию С. Г. Бочарова, «чувство благоустройства мира не раз подвергается испытанию в мироощущении героев Толстого» [1, с. 239] — именно это произошло с князем Андреем: после выздоровления и возвращения домой в его сознании *война*, полностью утратив свойства высокого пространства, навсегда исчезает для него как поле деятельности, а оппозиция *война — мир* оказывается разрушенной. «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну» [4, т. 6, с. 239–240] — так сформулирует он позже эту важнейшую для себя мысль. Область жизни теперь воспринимается им в виде антитезы *земля — небо*, где *земля* наследует все прежние характеристики *мира*, воспринимаясь как пространство пошлости, скуки, ничтожных людей, а открывшееся ему на поле Аустерлица *небо* надолго исчезает из его сознания, снова возникнув только через два года, при встрече с Пьером, который сумел вернуть Болконскому желание понять смысл жизни, соединить небо и землю и обрести истину.

Список литературы

1. Бочаров С. Г. «Мир» в «Войне и мире» // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 229–248.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977.
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
4. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 20 т. М., 1960–1965.

Об авторе

Наталья Павловна Жилина — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: nzhilina@rambler.ru

About the author

Prof. Natalya Zhilina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: nzhilina@rambler.ru